

Встреча с интересным человеком

написал *«Джу — в парадоксальном...»* фильм, и тогда же литовский коллега сказал мне: «Теперь о Банионисе узнает союзный зритель. Он будет много и прекрасно сниматься». Так оно и случилось. Вслед за Вайткусом последовали роли, принесшие Банионису мировую известность.

Сегодня народный артист Советского Союза, лауреат Государственных премий СССР — признанный мастер театра и кино.

Моя встреча с ним произошла в первые майские дни.

«ОСТРО ЧУВСТВОВАТЬ ВРЕМЯ»

— Донатас Юозович, я хочу начать нашу беседу с неожиданного для вас вопроса. Ваша настоящая фамилия?

— (Смеется). Не такой уж это неожиданный вопрос, как вы думаете. Мне его часто задавали. Дело в том, что точно моя фамилия пишется «Банёнис», но в русских текстах почти никогда не ставят двух точек над «ё», хотя буква «ё» — законный и равноправный представитель русского алфавита. Так вот первое время писали «Баненис», а это совершенно неверно — не только по написанию, но и по звучанию. Просто нет такой литовской фамилии, нет и не может быть, получается нелепость какая-то. Но не это главное. В почтовой переписке оказались сложности, особенно когда письма приходили из-за рубежа. В зарубежных алфавитах нет буквы «ё», она заменяется сочетанием «ю». Словом, стал я Банионисом. Даже по паспорту — чтобы избежать сложностей в различных поездках, оформлении документов, той же переписке.

— Наша беседа будет опубликована на русском языке. Можете, набрав вашу фамилию так, как она писалась раньше?

— Да нет, не надо. И читатель привык к нынешнему написанию, да и... (смеется) по паспорту я — Банионис. А паспорт — это документ.

— Расскажите, пожалуйста, о себе.

— Родители мои к театру не имели никакого отношения. Мама была тихой, доброй женщиной, ушла домашнее хозяйство. Отец Юозас Антакович — профессиональный революционер, подпольщик. Член Компартии Литвы с 1918 года, в КПСС вступил в сорок седьмом. В своей жизни он не раз подвергался тюремному заключению — и в буржуазной Литве, и в Бразилии, куда вынужден был эмигрировать для продолжения революционной деятельности. После образования Литовской ССР отец руководил рядом крупных партийных организаций. Его имя значится в литовской энциклопедии...

Родился я в Каунасе и, когда мне исполнилось двенадцать лет, поступил в ремесленную школу, на отделение керамики. Конечно, это не было сознательным выбором, просто я учился, чтобы приобрести профессию и зарабатывать на жизнь. Но уже тогда меня тянуло на сцену. Я выступал в художественной самодеятельности, был статистом в городской профессиональной труппе. Учася на последнем курсе ремесленной школы, держал экзамен в создаваемый в Каунасе будущий Паневежский театр, с которым связан вот уже сорок лет. Ремесленную школу я все-таки окончил, но по профессии, которую приобрел, так и не довелось работать. Стал актером. А недавно — главным режиссером нашего театра. Режиссером стал и мой младший сын Раймундас. Он работает в кино. Чему вы улыбаетесь?

— Представил себе, что сын пригласил вас в свой фильм. Забавная ситуация может возникнуть: сын в роли... наставника отца. А ведь вам придется соблюдать субординацию на съемочной площадке. Ну не смешно ли?

— Я вам так отвечу: буду стараться не попадать в картины сына. Нет, не потому, что хочу избежать «забавных» ситуаций, просто могут возникнуть нездоровые отношения, а это нехорошо и для него, и для меня в искусстве. Могут возникнуть нездоровые суждения других — коллег, зрителей... Не хотелось бы. Мне, конечно, небезразлично, как сложится судьба сына в искусстве, и я всегда, как смогу и если смогу, буду помогать ему своими знаниями старшего. Но подчеркиваю: в искусстве мы всегда должны быть независимыми друг от друга.

— Наверное, были у вас роли, которые способствовали вашему творческому становлению...

— И не только творческому. Эти роли были и остаются для меня важными и в чисто человеческом, гражданском плане. На них я учился чему-то не только в искусстве, но и в жизни, учился постигать многие скрытые жизнью от человека истины. В этом смысле очень важны для меня роли Павки Корчагина, шолоховского Да-

выдова, герои пьес Ибсена, Борхерта, Миллера... Это — в театре. В кино — Вайткус в фильме «Никто не хотел умирать», Ладейников в «Мертвом сезоне», Мак-Кинли в экранизации леоновской повести... Думаю, что, не сыграв я этих ролей, едва ли меня заметили бы для таких ролей, как Гойя, Бетховен, едва ли мне довелось бы работать с такими прекрасными режиссерами, как Козинцев (я снимался у него в «Короле Лире»), Тарковский, который пригласил меня в фильм «Солярис».

— Донатас Юозович, существует обратная связь между актером и зрителями. Как вы понимаете это выражение — «обратная связь»? И как это происходит в вашей творческой жизни?

— Ну, во-первых, эта связь или существует, или не существует. Все зависит от того, что считать обратной связью. Часто ошибочно обратной связью считают обычный отклик зрителей на ту или иную работу актера — в виде письма, например, с наивным «мне понравилось». То есть это, видимо, тоже в какой-то мере обратная связь, но слабая, разовая, так сказать, ничего не дающая ни уму, ни сердцу. Главная же обратная связь, я считаю, происходит — для актера театра — во время спектакля, когда актер и зритель дышат синхронно, их мысли, раздумья — это раздумья одних порядков. Это ведь тоже зрительский отклик, но важнейший, потому что сиюминутный, рождаемый в душе зрителя тут же.

— Но вы сами только что отметили, подчеркнули — «для актера театр». Киноактер все-таки лишен такого контакта со зрителями.

— А встречи с людьми? А возникающие на них споры в поисках истины? Разве это не живой контакт? Надо только, чтобы нацелен он был на какой-то конкретный поиск «сторон», на конкретную тему, а не размывался бы общими размышлениями «о том о сем». Надо, чтоб не было наивного блуждания, но чтобы путь, поиск определялись конкретностью цели.

Для меня часто случайная встреча с человеком (в поезде ли, на улице), начавшийся с ним разговор оборачиваются такой обратной связью, о которой актер может только мечтать. Человек неожиданно подметит в твоей работе то, о чем ты и не подозревал, и его размышления на этот счет — совершенно конкретные! — могут открыть тебе больше, чем долгий и кропотливый твой труд...

— В каждом труде есть момент наивысшего удовлетворения. В вашем деле когда возникает этот момент?

— Именно тогда, когда возникает та самая обратная связь, о которой мы говорили минуту назад. Момент абсолютного владения зрительным залом. Это всегда чувствуешь. И тогда появляется еще одно чувство — гордости за профессию, за дело, которому посвятил жизнь.

— А что рождает самые неприятные ощущения? Когда возникают такие ощущения?

— Когда чувствуешь равнодушие зрителей к тому, что делаешь. Когда кажется, что говоришь со сцены о чем-то очень важном, а других это не волнует. И понимаешь, что все не то, не так... Это ужасное состояние, его не передать словами.

— Скажите, что может служить гарантией успеха в вашей работе?

— (Смеется). Этого ни один актер не знает. И я не знаю. Начиная работу над ролью, никто, мне кажется, из моих коллег даже представить себе не может окончательного результата. Да и не может его быть в нашем деле — окончательного результата, как вообще не может быть абсолюта ни в жизни, ни в искусстве. Ведь у нас как бывает? До премьеры один-два дня, а роль не получается, не «идет». Премьеру сыграл, чувствуешь — не то. И вдруг — это может быть и третий, и пятый, и девятый спектакль — пошло! Задвигалось, зажило, зашумело. Нет, не может быть ни-

какой гарантии. Ведь все — от тебя, от твоего состояния. А оно не бывает всегда одинаковым.

— Часто говорят о последовательном становлении актера. Разве такое может быть? Ведь не актер выбирает себе роль, а его на эту роль выбирают. Или последовательное становление — это что-то другое?

— Да, другое. Мне кажется, что речь идет о становлении принципов — художественных, гражданских. Конечно, от роли к роли растет мастерство. Если роли способствуют этому росту. Но главное становление — это становление Личности художника, его понимание социальных проблем сегодняшнего дня, умение остро чувствовать современность. Без этого нет и не может быть настоящего, подлинного художника.

— Зрители часто пытаются за созданным актером образом угадать личность, человеческую суть самого актера — какой у него характер, что он за человек в жизни, в общении с людьми? Вы, к примеру, легко идете на общении с людьми?

— Об этом может сказать лишь тот, кто меня знает. Сам же я не берусь точно ответить на ваш вопрос. Одни считают меня общительным, другие — не очень общительным, третьи — совсем необщительным. Сам же я тоже читал самые различные о себе высказывания.

Зрители часто делают ошибку, сравнивая личность актера с созданным им образом. А сравнивать нельзя. Актер — обманщик. И чем лучше он обманывает, чем тоньше, изящней он это делает, тем лучше он актер. Сравнить актера с сыгранным им персонажем — значит не учитывать главного условия драматического искусства — условия игры. В этом и феномен искусства актера — все знает, что он обманывает, и... верят ему. Это и есть искусство!

— Вам часто приходится встречаться с совершенно различными людьми. Скажите, пожалуйста, что всегда привлекает вас в человеке?

— Порядочность. Это понятие включает в себя многое — доброту, честность, смелость, готовность к самопожертвованию ради другого...

— Что, напротив, неприятно вам в людях?

— Мне всегда неприятен человек, считающий свою точку зрения абсолютно и единственно верной, не подлежащей никакой критике или хотя бы критическому осмыслению. Человек, позволяющий себе судить обо всем безапелляционно, утративший в своих оценках чувство меры.

— А что кажется вам парадоксальным в человеке? Что — неистребимым в нем?

— Парадоксальным? В человеке, как и в жизни, столько парадоксов, что я, право же, затрудняюсь назвать главный из них. Ну вот хотя бы... самый простой пример, встречающийся едва ли не на каждом шагу. Человек тяжело болен, ему говорят: «Ни одной сигареты, ни одного глотка спиртного! Выпейте, закуришь — погибнешь». Человек понимает, о чем ему говорят, понимает, насколько серьезно сделанное ему предупреждение. Понимает... и закуривает. Понимает... и наливает себе стопку водки. Ну разве не парадокс!..

А неистребимым всегда было, есть и будет желание, стремление жить, неприятие смерти.

— А теперь, Донатас Юозович, задайте, пожалуйста, себе вопрос, который меньше всего вам хотелось бы услышать от журналиста.

— Меня всегда раздражает вопрос о планах. И еще о том, как я работаю над ролью. Этот вопрос не только наивный, он неприятен для меня тем, что я не знаю, как на него ответить. Это все равно, что спросить художника о том, как он рисует, или поэта — о том, как он сочиняет стихи... Согласитесь, странный вопрос...

— Тогда я задам вам вопрос, на который вам ответить, как говорится, проще простого — о случившихся в вашей жизни курьезах.

— Мне хочется вам ответить вопросом же. Не сердитесь, но зачем вам это? Для чего? Что это добавит к вашей информации обо мне?

Беседу вел Л. ДНЕПРОВСКИЙ.